

ВЕКТОР ПОИСКА
VECTOR OF SEARCH

УДК 810: 811.161.1

DOI: 10.18413/2313-8971-2016-2-1-57-63

Михеева Л. Н.

«ВРЕМЯ» В РУССКОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка. Ивановский государственный химико-технологический университет, Шереметевский пр., 7, г. Иваново, 153000, Россия; E-mail: mikhejeva@isuct.ru

Аннотация

В статье рассматривается время как важнейшая категория человеческого бытия, базовая универсалия русской языковой картины мира и одна из составляющих русского языкового сознания. Предлагается при изучении такого рода универсальной категории, в языковом выражении которой нашли отражение представления этноса о времени, использовать междисциплинарный принцип исследования и лингвокультурологический подход к анализу данного концепта. Анализируя традиционные модели циклического и линейного времени, автор стремится показать их связь и взаимодействие как основу целостного взгляда человека на мир. В статье ставится вопрос о необходимости рассматривать категорию времени как лингвокультурологическую, т.е. в единстве языкового, исторического и культурологического аспектов. На материале пословиц и поговорок описываются представления русского народа о времени, дается его оценка временных понятий. Лингвокультурологический аспект анализа позволяет обозначить особое место данной категории в русской культуре, в русском языковом сознании.

Ключевые слова: время; русское языковое сознание; лингвокультурологический аспект.

Mikheeva L.N.

“TIME” IN THE RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS

Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language. Ivanovo State University of Chemistry and Technology, 18 Sheremetevsky Ave., Ivanovo, 153000, Russia; E-mail: mikhejeva@isuct.ru

Abstract

The article covers a universal category of the time as one of the components of the Russian language World's picture. Views of the Russian folk about the Time are analyzed on the material of the proverbs from V. Dale's collection, the folk's estimation of the Time's concepts is presented. The linguistic cultural aspect allowed to mark this category in the Russian culture and in the Russian language consciousness.

This article is about a topical problem of development and expression of a linguistic picture of the World, in particular, one of its components – the category of Time. Analyzing traditional models of cyclic and linear time, the author aspires to show their interconnection and interaction as a basis of an integral human view of the World. The necessity to consider the category of Time is a linguistic and cultural one, i.e. the necessity to examine it in the unity of linguistic, historical and cultural aspects is also discussed in this article.

Keywords: estimation of the time; linguistic cultural aspect; folk's proverbs, Russian language consciousness.

Время является неотъемлемой частью бытия и сознания человека, оно принадлежит к основополагающим параметрам картины мира любого народа, а следовательно, находит отражение в его языке и культуре. Поэтому категория времени относится к универсальным

понятиям языкового сознания личности и служит базовой составляющей языковой картины мира того или иного народа. Универсализм данной категории, однако, не отменяет национального своеобразия представлений о времени, сложившихся в языковом сознании отдельного

индивида, время занимает своё место в языковой картине мира каждого этноса. В этой связи можно процитировать мнение известного историка и культуролога А.Я. Гуревича: «Объективно существующие пространство и время субъективно переживаются и осознаются людьми, причём в разных обществах, на различных стадиях общественного развития, в разных слоях одного и того же общества и даже отдельными индивидами эти категории воспринимаются и применяются неодинаково... Человек не рождается с “чувством времени”, его временные и пространственные понятия всегда определены той культурой, к которой они принадлежат» [2, с.159].

Прежде всего следует сказать о том, что в процессе исторического развития общества, формирования понятия времени складывались различные представления о нём, поэтому внутри единой картины мира существуют разные виды, модели времени – со своей структурой, универсальными свойствами, единицами измерения и т.д. В зависимости от аспектов отношения к времени, по наблюдению того же А.Я. Гуревича, у средневекового человека, например, формируются следующие модели: время природное (аграрное), или циклическое; родовое (или генеалогическое, династическое); библейское, или мифологическое; циклически-историческое [2, с.192]. Таким образом, даже у отдельного человека конкретной эпохи может сложиться несколько разных представлений о времени.

В гуманитарных науках разработаны свои классификации и модели времени, но чаще фигурируют историческое, социальное, индивидуальное время, то есть время человеческого бытия. Специалистами накоплен богатый фактический материал для выделения исторических форм восприятия, истолкования времени в различных культурах, формациях и т.д., их изучают антропология, психология, история культуры и искусства, языка, некоторые другие гуманитарные науки. Что касается непосредственно языкового времени, то и здесь описываются различные его модели. В коллективной монографии «Логический анализ языка. Язык и время» (1997) специальная глава посвящена “моделям времени”.

Закономерно некоторые исследователи ставят вопрос о пересмотре существующих в современном языкознании и философии моделей времени. Например, Н.К. Рябцева в указанной монографии пишет, что «ставшие уже традиционными представления о линейном и

циклическом времени, бытовом и надбытовом, не отражают полностью роль времени в ЯКМ, его коммуникативные функции и связь с культурным контекстом, способность времени быть не только параметром, но и объектом, инструментом и основанием оценки» [4, с.78]. Мы не можем с этим не согласиться, тем более что в реальности абсолютное различие двух моделей времени, как и типов сознания, вряд ли возможно; условны как само деление, так и характеристики той и другой модели: они лишь отражают процесс формирования представлений о времени, но не исчерпывают всю сложность и диалектику временных отношений.

Тем не менее, при изучении языкового времени современные исследователи отталкиваются преимущественно от этих двух традиционных, базисных моделей циклического и линейного времени, впервые описанных еще М. Гюйо (1899 г.). Позднее его идеи развил Б. Успенский, который отмечал, что циклическое время соответствует космологическому сознанию, а линейное – историческому: «Космологическое сознание предполагает, что в процессе времени постоянно повторяется один и тот же онтологически заданный текст... Между тем историческое сознание, в принципе, предполагает линейное и необратимое... время» [9, с. 32-33].

Большинство современных ученых, в числе которых Ю.С. Степанов, Н.Д. Арутюнова и др., сходятся на том, что существуют две главные модели циклического и линейного времени, которые сформировались в ходе исторического развития человеческого общества, они определили и два вида языкового времени. При этом Н.Д. Арутюнова признает, что в абстрактной модели время формально, отвлеченно от мира и человека: прямая задает лишь последовательность точек, но не последовательность каузально связанных событий [1, с. 688]. Только присутствие человека в мире наполняет формальное время событиями: войдя в модель времени, человек внес в нее два сложных и противоречивых компонента – точку и движение, а вместе с ним и направление движения; это линейно-поступательное движение наблюдающего мир человека (там же, с. 689). Значит, наряду с внешней по отношению к языку моделью времени существует и внутриязыковая модель, конститутивным компонентом которой является присутствие в ней говорящего, от которого идет отсчет времени вправо – в будущее и влево – в прошлое. Категория времени в этих

двух моделях предстает как концептуально-языковая – языковыми средствами выражающая представления о времени, сложившиеся в сознании человека и в культуре.

Восприятие временного континуума древним сознанием было обусловлено космопланетарными циклами, так как человек ощущал себя неразрывно связанным с космосом и космическими ритмами, которые определяли его жизнь и привели к понятию цикла. Для мифологического миропонимания характерна циклическая структура времени: настоящее и будущее – различные «темпоральные ипостаси мифического прошлого» [7, с. 63]. Циклический характер солнечного круговорота, солнечный цикл как мерило бытия всего сущего в человеческом мире определяли жизнь народов.

Представление о цикличности времени, о завершенности и повторяемости цикла характерно и для славянского этноса: в основе праславянской картины мира лежит единая наивная (циклическая) модель времени, детерминированная конкретно-образным мышлением, связью с реальными природными циклами, языческими верованиями и представлениями, которые отражаются на сельскохозяйственной жизни (отсюда славянский народно-религиозно-хозяйственный календарь) и находят выражение в языке.

Большинство ученых считает, что чувство, рожденное временными циклами, было перенесено на линию времени тогда, когда время стало не только переживаться, но и осознаваться. Экклезиаст, читаем у Н.Д. Арутюновой [4, с. 51], ставит в один ряд сроки природы (“Время насаждать, и время вырывать насаженное”), жизни (“Время рождаться, и время умирать”) и истории (“Время войне, и время миру”). Линейное, историческое восприятие времени связано с человеком, его социальным бытием и деятельностью ума, представлениями, формирующимися в процессе трудовой и социальной практики. Мировосприятие нового (исторического) человека инвертирует отношения между ним и природой, организующий человеческие действия центр перемещается из прошлого в будущее, образ циклического времени сменяется линейным представлением о нем, а на смену мифологическому сознанию приходит историческое, отделяющее действие от цели.

Однако мы не склонны так резко разводить две модели времени, два типа его восприятия, так как полагаем, что они существуют в диалектическом единстве и постоянно взаимодействуют в сознании человека: внутри

природного цикла присутствует своя линейность, а линия человеческой жизни, истории состоит из циклов. В этом отражается целостный и типологический характер восприятия действительности и понимания времени. Можно сказать, представления о линейном и циклическом времени не в полной мере отражают содержание времени в ЯКМ, в частности, его связь с культурным контекстом.

К этому следует добавить то, что способность психики человека ставить ощущение скорости движения времени в зависимость не только от ума, но и от сердца является фундаментальным свойством человека любого этноса, любой расы, любой эпохи, при этом каждый этнос в каждую эпоху имеет специфические особенности восприятия времени и его движения, то есть каждой культуре присущ свой способ переживания, осмысления и осознания времени. Поэтому, говоря о качественном (в противовес количественному) начале в категории времени, мы также имеем в виду своеобразие его восприятия и осознания как отдельным индивидуумом (субъективное отношение), так и в конкретной этнической культуре (национально-историческая оценка), что находит непосредственное отражение в языковой системе и речевых формулах и в целом. Это, с нашей точки зрения, позволяет говорить о категории времени как **лингвокультурологической** [5].

Субъективный характер наивно-языковой концептуализации времени в русском языковом сознании отразился во многих особенностях естественно-языкового употребления темпоральных выражений (“повременить”, “проспать”, “ожидание”, “час настал”, “миг удачи”). Аксиологичны выражения “добрый час”, “черный день”, “лихая година”, мифологические “бесовские ночи”, “вороньи дни”. Ориентированные на само время, модели – “течение жизни”, “линия судьбы” и движение природных веществ (“вода бежит”, “ветер несет”, “луна взошла”) – предстают образно, в виде метафоры, что может послужить темой отдельной статьи.

В народной традиции, устойчивых выражениях, оценочной лексике нашли отражение разные характеристики временных представлений: циклического и векторного восприятия времени (“солнышко на закате”, “время летит”, “время за нами”, “время перед нами”); близость образа времени и образа жизни (связь времени с деторождением, сроком отела); представление о времени как силе, иногда благоприятной (“сила во времени”), то злой, но

главное – всегда движущейся, изменчивой. Например, “время” в значении “пора” подчеркивало благоприятный, удобный, своевременный момент в развитии событий, хотя “пора”, в отличие от “времени”, и в славянской древней, и в современной темпоральных системах играет более скромную роль. Авторы этимологических словарей (А. Преображенский, М. Фасмер) оговаривали значение “поры” как благоприятного времени, подчеркивая идею силы, идею жизни. “Не время дорого, пора” – читаем и у В. Даля. (Интересно, что в его сборнике пословиц есть раздел, связанный с “порой” - «Пора – мера – спех», но нет такого со словом “время”.) Таким образом, уже в древние века сложился аксиологический аспект восприятия времени: если соответствует назначению события – подобающее время, благовремение. Одно и то же действие может быть успешным, благоприятным или неудачным и опасным в зависимости от того, в какое время оно совершается.

В традиционной народной культуре славян время оценивается строго полярно, только со знаком плюс или минус: оно может быть чистым, добрым, веселым и нечистым, опасным, злым, печальным. Хорошее время приносит человеку здоровье, счастье, богатство, успех, а плохое – болезнь, неудачу, нужду, горе. Например, понимание праздника как опасного для людей разрыва границы между “тем” и “этим” миром составляло элемент языческой картины мира. День недели, на который пришелся один из крупных неподвижных праздников, приобретал на целый год особую магическую силу.

Кроме праздников, календарными ориентирами при выборе благоприятного дня в славянской культуре могли служить природные или жизненные события: первый день весны или прилета птиц, первый гром, снег, иней, а также день рождения или смерти близких. Отсюда обилие магических действий, гаданий, предсказаний, приуроченных к “первому дню”, началу (года, весны и т.п.) – “Благослови бог почин!”, наиболее важным датам календаря. Время рождения могло определять весь земной, жизненный путь человека, а от времени смерти зависела его загробная судьба; выбор “правильного” времени – условие успеха начинания: сева, жатвы, закладки дома, сватовства и т.д. Все вместе это говорит об относительности оценок у древних славян: “Придет время, будет и пора”.

Солнечный календарь определял годовой (сезонный) и дневной (суточный) циклы, а лунный

регламентировал время в пределах месячного и недельного циклов (в славянском слове месяц совмещались значения: “месяц, отрезок годового времени” и “светило”). Причем оказывается, что роль лунного компонента славянской календарной системы выше, чем роль солнечного, а само лунное время более органично вписалось в общую систему традиционного мировоззрения. С.М. Толстая объясняет это таким свойством луны, как изменчивость и сравнительно короткий наблюдаемый цикл, почему луна стала в народных представлениях символом биологического, жизненного времени от рождения до смерти - ‘месяц рождается’, ‘молодой месяц’, ‘старый месяц’ и проч. [8, с. 68-69].

Определения “доброе” или “злое” по отношению к времени потом отрываются от сакрального контекста и используются как эпитеты, так как время перестает восприниматься как событие и начинает употребляться как мыслимое время, которое своеобразно, в том числе художественно, отражает время реальное. На базе обиходных развились образно-эстетические понятия: весна – радость, обновление, возрождение; ночь – печаль, тоска и т. п. Хорошо известны ассоциативные перифразы: утро года – весна, полдень – зрелость, вечная жизнь – старость и т. п. В общем и целом усвоение системы и отдельных элементов христианского календаря народной культурой было не простым механическим замещением, а именно переводом с языка на язык, предполагающим не только эквивалентные замены, но и перетолкования, переосмысления, переоформления.

Такого рода оценки, приписывание качественного признака присутствуют и в определениях дней недели: понедельник ‘черный’, понедельник и пятница – ‘тяжелые’ дни, вторник и суббота – ‘легкие’, ‘сухи вторники’ – для крестьянина это было важно. Образное толкование этих дней находим у В. Даля: “Понедельник – похмелье; вторник – потворник; среда – пост; четверг – перевал; пятница – не работница; суббота – уборка; воскресенье – гулянье”. Каждому дню дается своя оценка в соответствии с народными представлениями и культурными традициями. Сложились в народе и такие приметы, связанные со значением каждого дня недели: “В понедельник, среду и пяток никакого дела не начинай”, “В дорогу отъезжай во вторник либо в субботу”, “Кто в пятницу дело начинает, у того оно будет пятиться” (может, отсюда “пятница”, а

не от “пятого” дня недели), “В пяток курицу на яйца не сажают: цыплята не живут”, “По пятницам мужики не пашут, бабы не прядут”, “Пятница корячится” и т. п.

Качественное, ценностное осмысление времени, конечно, находит отражение в лексических единицах измерения времени - час, день, год, век и т.д., но более полное и глубокое толкование, менее однозначную оценку народные представления о времени нашли в речевых формулах, а также пословицах и поговорках как законченных высказываниях на тему времени. Именно они послужили языковым материалом и стали предметом нашего анализа.

В пословицах и поговорках, выражающих народное представление о временных категориях, в частности о начале и конце, не только раскрывается значение цикличности всего происходящего и сакрализуется начало, не просто отражаются религиозный смысл этих понятий или ритуальность, в них заключенная, – на первый план выступает философский характер размышлений о времени, так называемая народная житейская мудрость, которая формировалась веками, и морально-нравственная оценка, составляющие содержательную и жанровую основу этого вида народного творчества.

«Начало – конец» – так подразделяется и называется цикл пословиц у В. Даля. Следует заметить, что полярность в формулировках названий и других разделов последовательно прослеживается в его сборнике: они komponуются по такому же бинарному, оппозиционному принципу, в частности на тему времени: «Жизнь – смерть», «Былое – будущее», «Молодость – старость», «Начало – конец» и т.п. Это характерно для семиотики как науки, которая в своих исследованиях (особенно архаичных культур) часто опирается на совокупность противопоставлений (верх – низ, левый – правый, мужчина – женщина, свой – чужой, свет – тьма), образующих свой, специфический набор для каждой культуры.

Начало и конец тесно связаны в сознании русского человека: “Где не было начала, не будет и конца”. Началу придается особое значение, оно получает качественную оценку – положительную или отрицательную: “Лиха беда начало”, “Голова хвоста не ждет”, “Доброе начало – половина дела” и “Плохое начало, что не видать конца”, “Плохое начало – и дело стало”, однако любое дело оценивается по его результату, концу: “Не смотри начала, смотри конца”, “Не хвались отъездом, хвались приездом”, “Не верь началу, а верь концу”.

“У всякого словца ожидай конца!”, “Начиная дело, о конце помышляй!” В параллель началу и концу оцениваются и утро – вечер, весна – осень: “Красному утру не верь!”, “Зови (Хвали) день по вечеру”, “Весенней озими в засек не сыплют”.

Аксиологически эти понятия перестают быть равными и начинают противопоставляться, но не полярно, как положительное–отрицательное, а по более сложной качественной шкале: “Начало трудно, а конец мудрен”, поэтому важно такое наидание: “Умел начать, умеи и кончать!”, так как всё-таки “Конец делу венец!”. Другая сторона этих “взаимоотношений” – неизбежность, неотвратимость конца в самом широком смысле слова: “Долго ли, скоро ли, а все будет конец”, “Сколько веревку ни вить, а концу быть”. В итоге же: “Дело середкой крепко”, “Середка всему делу корень”.

Пословицы о жизни и смерти тем более не ограничиваются констатацией количественных параметров протяженности, движения и неподвижности, свойственных названным онтологическим понятиям. С одной стороны, по-новому освещается их оппозиционность – как двух качественных сторон человеческого существования, антиномий. Находясь в одном ряду, категории жизни и смерти, конечно, противопоставлены друг другу и представляют собой антиномичную характеристику единого процесса, ценность в нем придается, само собой, жизни: “Живой смерти не ищет”, “Горько, горько, а еще бы столько”, “Живой в могилу не ляжет”, “Живой живое и думает”.

С другой стороны, между ними есть определенное сходство, точнее, связь. Во-первых, наблюдается близость дистанционная: “Промеж жизни и смерти и блошка не проскочит”, “Сёдни жив, а завтра - жил”, “Ныне на ногах, завтра в могиле”, “Сегодня венчался, а завтра скончался” – предельно рядом сегодня и завтра, начало и конец, прошлое и будущее, жизнь и смерть. Жизнь как таковая представляет собой лишь маленький промежуток – “между” ними, мы знаем ситуацию пребывания ‘между жизнью и смертью’ (не случайно и то, что этот фразеологизм означает “находиться в тяжелом положении”). А самая тесная связь и абсолютная близость двух оппозитивов нашла выражение в лексическом соседстве внутри устойчивого оборота ‘по гроб жизни’. Однако, за всем этим стоит всё-таки не близость реального расстояния, а складывающееся с годами представление о краткости жизни.

Во-вторых, это сходство имеет и качественную, скорее отрицательную

характеристику: “Жить плохо, да ведь и умереть не находка”, “Жить тяжело, да и умирать нелегко”, “Жить грустно, а умирать тошно”. В основе такой оценки лежит понимание как неизбежности конца, так и необходимости дойти до него: “День к вечеру – к смерти ближе” (вновь параллель с ‘утро – вечер’), “Зажит век, как-нибудь доживать надо”, “Тяжел крест, да надо несть”, “Как ни вертись, а в могилку ложись”. Есть совсем категоричные высказывания: “Не на живот рождаемся, а на смерть”. В качестве резюме, морали предлагается как должное принять и то и другое: “Жить надейся, а умирать готовься!”, “Живи на двое: и до веку, и до вечера” (т.е. будь готов). При этом нельзя не заметить, что тональность высказываний (с позиции умудренного опытом старца) далека от оптимистической при характеристике отведенного человеку срока жизни.

Восприятие времени человеком в целом всегда носило антропоморфный характер, понятия времени и жизни были слиты. Сельское время не событийное (люди еще не овладели природой и подчиняются её ритму), а оппозиции день – ночь, лето – зима имели этническую окрашенность (“День во грехах, а ночь во слезах”; “Помни это: зима не лето!”, “Лето собирает, а зима поедает”). Весна связывалась с периодом до сбора урожая, а зима с завершением сельскохозяйственных работ, умиранием природы.

Событийность времени также неотделима от его антропоморфного восприятия, время выступает в роли действующего субъекта, отсюда и предикаты с глаголами движения: время наступило, настало, подходит, пришло, приближается, близится, истекает, кончилось и т. п., оно может бежать, лететь, тянуться, остановиться и т. д. Или фразеологизмы: ‘время покажет’, ‘время не ждёт’, ‘время терпит’. То же антропоморфное качество времени отражено в пословицах В. Даля: “Время разум даёт”; “Придет время, все лягут в могилку”; “Время краску с лица сгоняет”; “Время деньгу даёт, а на деньги времени не купишь”; “Время красит, а безвременье чернит”; “Время придет и час пробьет” и т.д. Время одухотворялось и приобретало власть над человеком: “Не человек гонит, а время”; “Не живем, дни провожаем”; “Не ты смерти ищешь, она сторожит”.

Для русских пословиц характерно противопоставление доброго старого времени молодому, новому: “Прежде жили – не тужили; теперь живем – не плачем, так режем”; “Нового

счастья ищи, а старого не теряй”; “Много нового, да мало хорошего”; “Все по-новому, а когда ж по-правому”; “Новых друзей наживай, а старых не теряй”; “Как жили деды да прадеды, так и нам жить велели”; “Старое добро и во сне хорошо”; “Пускай будет по-старому, как мать поставила”. Были в этом ряду и исключения: “От ветоши, от старых дураков и молодым житья нет”; “Старые дураки молодых со свету сживают”; “Поминать старое – шевелить костями”. Диалектика обновления не чужда достаточно консервативному миропониманию славянина.

Многие исследователи отмечают, что для русского языкового сознания свойственно восприятие времени скорее как плавного течения, чем быстрого бега или полета. Именно этим объясняется использование в нашей речи таких своеобразных единиц измерения времени, как русский час, московский час, русский месяц, деревенский месяц и др. Временная расплывчатость русского часа нашла отражение и в паремическом материале, который усиленно акцентирует внимание на его особой, неопределенной протяженности: “Русский час долог”; “Русский час – все сейчас”; “В русский час много воды утечет (сейчас)”; “Русский месяц – со днем тридцать (а немецкому и кона нет)”; “Русский час – десять, а немецкому и кона нет”; “Подожди с московский час”; “Русский месяц подождет”; “Деревенский месяц – с неделей десять” [10, с. 83].

Подтверждением тому может стать и материал пословиц, раскрывающий отношение русского этноса к “течению времени”. Действительно, такое топологическое и как будто индифферентное свойство, как скорость времени (больше количественная характеристика), получает качественную оценку, предстает в сознании русского человека и в народном опыте аксиологически маркированным: “Тише едешь – дальше будешь”, “Поспешись – людей насмешись”, “Скорого дела не хвалят”, “Скороспелка до поры загнивает”, “Наскоро делать – переделывать”, “Прытко бегают, так часто падают”, “Не торопись отвечать, торопись слушать!”, “Всего вдруг не сделаешь”, “Не под дождем: постоим да подождем”, “Быстрая лошадь скорее станет”, “Тонко прясть – долго ждать”, “Родился – не торопился, а теперь незачем”, но в то же время: “Спешить не спеши, а поторапливайся”, “Часом опоздано, годом не поверстаешь”, “Скоро бегут, так задних не ждут”. Поэтому в русском языке появились и такие словосочетания: ‘сломя голову’, ‘очертя голову’, ‘без оглядки’, ‘во все лопатки’, ‘гнать в хвост и в

гриву», ‘дуй во всю ивановскую’ и под. Они тоже, только с другой стороны, характеризуют особенности русского национального характера, его противоречивость, наличие прямо противоположных черт. Здесь же можно вспомнить о полярности временных свойств, о дихотомиях и антиномиях как в языковом сознании, так и в языковых оппозиционных знаках, о которых достаточно было сказано выше.

С одной стороны, большое количество пословиц со значением “не надо торопиться” указывает на особенности русского национального менталитета (“Русский час долог”, “Русский час – все сейчас”), а с другой, они практически все содержат философский подтекст – всему отпущен свой срок, всему наступит свое время: “Не торопи умирать, дай состариться!”, “Не отлагает свет заутрени, ни тьма вечерни”, “Постой, холостой, дай подумать женатому!”, “Солнце пригреет – все поспеет”, “Пора пройдет – другая придет”. Некоторые дидактические суждения приобрели смысл и форму примет: “Торопиться жить – скоро умереть”, ведь все неизбежно и предначертано заранее, задано вечным циклом: “Сколько ни куковать, а к зиме отлетать”. Такой междисциплинарный, лингвокультурологический подход (метод анализа) к исследованию времени позволяет по-новому взглянуть на универсальную онтологическую категорию и ведет к разработке оригинальной, лингвокультурологической методики изучения языковых явлений.

В заключение необходимо заметить, что в современных исследованиях русского языкового времени ученые чаще всего ведут семантический анализ языковых единиц времени, опираются на материал темпоральной лексики (порой даже вне контекста). Однако полноценное выражение категория времени, как важнейший элемент русской языковой картины мира, получает в том целостном образе времени, который сформировался в русской культуре и нашёл непосредственное отражение в языке. Именно устойчивые словосочетания, пословицы раскрывают цельное, образное представление русского народа о времени, позволяя характеризовать эту категорию и как лингвокультурологическую.

Список литературы

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
2. Гуревич А.Я. Представления о времени в средневековой Европе. // История и психология. М.: Наука, 1971. С. 159–198.
3. Дешериева Т.И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам // Вопросы языкознания. 1975. № 2. С. 111–117.
4. Логический анализ языка: Язык и время. М.: Индрик, 1997. 351 с.
5. Михеева Л.Н. Время в русской языковой картине мира. Иваново: Изд-во “Ивановск. гос. ун-т”, 2003. 252 с.
6. Никитина С.Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 187 с.
7. Роль человеческого фактора в языке: язык и картина мира. М.: Наука, 1988. 216 с.
8. Толстая С.М. Мифология и аксиология времени в славянской народной культуре // Культура и история: Славянский мир. М.: Индрик, 1997. С. 62–79.
9. Успенский Б.А. История и семиотика: (Восприятие времени как семиотической проблемы) // Труды по знаковым системам. Вып. 855. Т. 23. Тарту, 1989. С. 18–38.
10. Фархутдинова Ф.Ф. Взглянуть на мир сквозь призму слова: Опыт лингвокультурологического анализа русскости. Иваново: Изд-во “Ивановск. гос. ун-т”, 2000. 204 с.

References

1. Arutyunova N.D. The Language and the Human World. M.: Yaziki russkoy kulturi. 1999. 895 p.
2. Gurevich A. The Idea of Time in Medieval Europe // History and Psychology. M.: Nauka, 1971. P. 159–198.
3. Desherieva T. The Linguistic Aspect of the Category of Time in its Relation to the Physical and Philosophical Aspects // Questions of linguistics. 1975. № 2. Pp. 111–117.
4. Logical Analysis of Language: Language and Time. M.: Indrik, 1997. 351 p.
5. Mikheeva L. Time in the Russian Language Picture of the World. Ivanovo: Izd-vo “Ivanovsk. gos. un-t”, 2003. 252 p.
6. Nikitina S. Oral Folk Culture and Linguistic Consciousness. M.: Nauka, 1993. 187 p.
7. The Role of Human Factor in Language: Language and World View. M.: Nauka, 1988. 216 p.
8. Tolstaya S. Mythology and Axiology of Time in Slavic Folk Culture // Culture and history: A Slavic world. M.: Indrik, 1997. P. 62–79.
9. Uspenskiy B. History and Semiotics (Perception of Time as a Semiotic Problem) // Writings on Semiotics. Vip. 855. Vol. 23. Tartu, 1989. P. 18–38.
10. Farkhutdinova F. Looking at the World through the Prism of Words.: Experience of Linguoculturological Analysis of Russianness. Ivanovo: Izd-vo “Ivanovsk. gos. un-t”, 2000. 204 p.